

АНДРЕ МОРУА

ФИАЛКИ ПО СРЕДАМ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44
М80

Серия «Эксклюзивная классика»

André Maurois
POUR PIANO SEUL

Перевод с французского *Т. Чугуновой, Ю. Яхниной*
Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения наследников автора.

Моруа, Андре.

М80 Фиалки по средам : [сборник : перевод с французского] / Моруа Андре. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-100702-7

«Фиалки по средам» (1953 г.) — сборник новелл Андре Моруа, прославивший писателя еще при жизни. Наверное, главное достоинство этих рассказов в том, что они очень жизненны, очень правдивы. Описанные писателем ситуации не потеряли своей актуальности и сегодня. Читатель вслед за Моруа проникнется судьбой этих персонажей, за что-то их пожалеет, над чем-то от души посмеется, а иногда и всерьез задумается.

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44

© Héritiers André Maurois, Anne-Mary Charrier, Marseille, France, 2006
© Перевод. Т. Чугунова, 2016
© Перевод. Ю. Яхнина, наследники, 2013
© Издание на русском языке АСТ Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-100702-7

БИОГРАФИЯ

Лампы, освещавшие большую столовую, были затенены — в этом году в Лондоне была мода обедать в полумраке. Эрве Марсена, отыскав свое место за столом, увидел, что его посадили рядом с очень старой дамой в жемчугах — леди Хемптон. Эрве ничего не имел против такого соседства. Дамы преклонных лет обычно бывают снисходительны и нередко рассказывают забавные истории. А леди Хемптон, судя по насмешливому выражению ее глаз, была наделена к тому же живым чувством юмора.

— На каком языке вы предпочитаете говорить, господин Марсена? На французском или на английском?

— Если не возражаете, леди Хемптон, я предпочитаю французский.

— Однако пишете вы на английские темы. Я читала вашу «Жизнь Джозефа Чемберлена».

© Перевод. Ю. Яхнина, наследники, 2013.

Она меня позабавила, я ведь знала всех этих людей. А над чем вы работаете сейчас?

Молодой француз вздохнул:

— Моя мечта — написать книгу о Байроне, но о нем уже столько написано... Правда, найдены новые материалы — письма Мэри Шелли, бумаги графини Гвичьоли. Но все это уже опубликовано. А я хотел бы обнаружить какие-нибудь неизвестные документы, но ничего не могу найти.

Старуха улыбнулась:

— А что, если я открою вам одно совершенно неизвестное похождение Байрона...

Эрве Марсена весь невольнo подобрался, словно охотник, внезапно заметивший в кустах оленя или кабана, словно биржевик, которому вдруг открыли, какие акции подскочат на бирже.

— Совершенно неизвестное похождение Байрона? Да разве это мыслимо, леди Хемптон, когда написаны груды исследований?

— Пожалуй, я преувеличила, назвав его совершенно неизвестным, потому что имя героини уже упоминалось биографами. Я имею в виду леди Спенсер-Свифт.

Эрве разочарованно скривил губы:

— Ах вот кого... Да, да, я слышал... Но ведь об этой истории никто ничего не знает наверняка.

— Дорогой господин Марсена, разве о подобных вещах можно вообще что-нибудь знать наверняка?

— Конечно, леди Хемптон. В большинстве случаев мы располагаем письмами, документами. Правда, порой письма лгут, а свидетельства не вызывают доверия, но на то и существует критическое чутье исследователя...

Обернувшись к своему собеседнику, леди Хемптон поглядела на него в старинный лорнет.

— А что вы скажете, если я предоставлю вам дневник леди Спенсер-Свифт (ее звали Пандора), который она вела во время своей связи с Байроном? И письма, которые она от него получала?

Молодой француз вспыхнул от удовольствия.

— Я скажу, леди Хемптон, как говорят индусы, что вы — отец мой и мать моя. Благодаря вам я напишу книгу... Но у вас действительно есть эти документы?.. Простите мой вопрос... Все это настолько невероятно...

— Нет, — ответила она. — У меня этих документов нет, но я знаю, где они находятся. Они принадлежат нынешней леди Спенсер-Свифт, Виктории, моей подруге по пансиону. Виктория до сих пор никому не показывала этих документов.

— Почему же она вдруг покажет их мне?

— Потому что я попрошу ее об этом... Вы еще плохо знаете нашу страну, господин Марсена. Здесь на каждом шагу вас подстерегают тайны и неожиданности. В подвалах и на чер-

даках наших загородных вилл хранятся истинные сокровища. Но владельцы ничуть ими не интересуются. Вот когда кто-нибудь разоряется и дом продают с молотка, архивы выходят на свет Божий. Если бы не предприимчивый и упорный американец, обнаруживший пресловутые бумаги Босвелла, они так и остались бы навсегда в ящике от крокетных шаров, где их спрятали.

— Вы полагаете, что предприимчивый и упорный француз может добиться такого же успеха, хотя он и не располагает теми тысячами долларов, которыми американец оплатил бумаги Босвелла?

— Вик Спенсер-Свифт долларами не прельстишь. Она моя ровесница, ей за восемьдесят, и ей вполне хватает своих доходов. Вик покажет вам бумаги из расположения к вам, если вы сумеете его заслужить, а кроме того, в надежде, что вы нарисуете лестный портрет прабабки ее мужа.

— Лорда Спенсер-Свифта нет в живых?

— Не лорда, а баронета... Сэр Александр Спенсер-Свифт был последним в роду носителем этого титула. Виктория все еще живет в том самом доме, где гостил Байрон... Это прелестная усадьба елизаветинских времен в графстве Глостер. Хотите попытать счастья и поехать туда?

— С восторгом... если я получу приглашение.

— Это я беру на себя. Я сегодня же напишу Вик. Она наверняка вас пригласит... Не пугай-

тес, если письмо будет составлено в резких выражениях. Виктория считает, что привилегия нашего преклонного возраста — говорить все, что вздумается, напрямик. С какой стати церемониться? Чего ради?

Несколько дней спустя Эрве Марсена ехал на своей маленькой машине через живописные деревушки графства Глостер. Минувшее лето было, по обыкновению, дождливым, и это пошло на пользу деревьям и цветам. В окнах даже самых скромных коттеджей виднелись роскошные букеты. Дома, сложенные из местного золотистого камня, были точно такими, как во времена Шекспира. Эрве, весьма чувствительный к поэтическим красотам английского пейзажа, пришел в восторг от парка Виндхерст, как называлось поместье леди Спенсер-Свифт. Он проехал по извилистым дорожкам мимо поросших густой травой, аккуратно подстриженных лужаек, исполинские дубы обступали их со всех сторон. Среди зарослей папоротника и хвоща поблескивал пруд. Наконец Эрве увидел замок и с бьющимся сердцем затормозил у входа, увитого диким виноградом. Он позвонил. В ответ ни звука. Продав минут пять, Эрве обнаружил, что дверь не заперта, и толкнул ее. В темном холле, где на креслах лежали груды шарфы и пальто, — ни души. Однако из соседней комнаты слышался монотонный голос, бубнивший, казалось, зау-

ченный текст. Француз подошел к двери и увидел продолговатую залу, увешанную большими портретами. Группа туристов сгрудилась вокруг величественного butler'a* во фраке, темно-сером жилете и полосатых панталонах.

— Вот это, — говорил butler, указывая на портрет, — сэр Уильям Спенсер-Свифт (1775—1835). Он сражался при Ватерлоо и был личным другом Веллингтона. Портрет кисти сэра Томаса Лоренса, так же как и портрет его супруги, леди Спенсер-Свифт.

Среди слушателей пробежал шепот:

— Той самой...

Дворецкий с заговорщическим видом едва приметно кивнул головой, не теряя при этом достоинства и важности.

— Да, — добавил он, понизив голос до шепота, — той самой, что была возлюбленной Байрона. Той, которой он посвятил знаменитый сонет «К Пандоре».

Двое туристов начали декламировать первую строфу. Дворецкий величественно кивнул головой.

— Совершенно верно, — подтвердил он. — А это — сэр Роберт Спенсер-Свифт, сын предыдущего (1808—1872). Портрет писан сэром Джоном Миллесом.

* Дворецкий (*англ.*).

И, склонившись к своей пастве, он доверительно сообщил:

— Сэр Роберт появился на свет через четыре года после того, как Байрон гостил в Виндхерсте.

Молодая женщина спросила:

— А почему Байрон приехал сюда?

— Он был другом сэра Уильяма.

— Ах вот что! — сказала она.

Эрве Марсена остановился позади группы, чтобы получше рассмотреть оба портрета. У мужа, сэра Уильяма, было широкое, красное от вина, обветренное лицо. Он производил впечатление человека вспыльчивого и высокомерного. В воздушной красоте его жены сочетались величавость и целомудрие. Однако, приглядевшись повнимательнее, в чистом взгляде леди можно было уловить и затаенную чувственность, и не лишенное жестокости кокетство. Туристы уже устремились к выходу, а молодой человек все еще задумчиво разглядывал портреты. Дворецкий деликатно шепнул, наклонившись к нему:

— Простите, сэр, у вас есть билет? Вы пришли позже других... Все уже заплатили. Поэтому, если позволите...

— Я не турист. Леди Спенсер любезно пригласила меня провести здесь уик-энд и обещала показать интересующие меня документы...

— Извините, сэр... Стало быть, вы и есть молодой француз, рекомендованный леди Хемп-

тон? Минутку, сэ, я только провожу этих людей и тотчас уведомяю ее милость... Комната вас ждет, сэ. Ваши вещи в машине?

— У меня только один чемодан.

В дни, когда леди Спенсер-Свифт открывала двери своего замка иностранным туристам — эти посещения освобождали ее от уплаты налогов, — сама она уединялась в гостиной, расположенной во втором этаже. Туда и провели молодого француза. Старая леди держалась горделиво, но без чопорности. Ее надменную осанку смягчала насмешливая прямота.

— Не знаю, как вас благодарить, — начал Марсена. — Принять незнакомого человека...

— Nonsense*, — объявила леди. — Какой же вы незнакомец? Вы явились по рекомендации моей лучшей подруги. Я читала ваши книги. Я давно жду человека, который мог бы тактично поведать миру эту историю. Думаю, что вы как раз подходящее лицо для этого.

— Надеюсь, миледи. Но я не верю своему счастью: возможно ли, что ни один из блестящих английских биографов Байрона не опубликовал ваших документов?

— Ничего удивительного в этом нет, — объявила леди. — Мой покойный муж не разрешал показывать дневник своей прабабки ни одной

* Чепуха (англ.).

живой душе. На этот счет у него были старомоднейшие предрассудки.

— А разве эти бумаги содержат нечто... ужасное?

— Понятия не имею, — сказала она. — Я их не читала. От этого бисерного почерка можно ослепнуть, да к тому же все мы прекрасно знаем, что пишут в дневниках двадцатилетние женщины, когда они влюблены.

— Но может случиться, миледи, что я обнаружу в этих бумагах доказательство... м-м... связи Байрона с прабабкой вашего мужа. Могу ли я считать, что и в этом случае я имею право ничего не скрывать?

Леди бросила на француза удивленный взгляд, в котором мелькнуло легкое презрение.

— Разумеется. Иначе для чего бы я стала вас приглашать?

— Вы — само великодушие, леди Спенсер-Свифт... А ведь многие семьи вопреки всякой очевидности защищают добродетель своих предков до тридцатого колена.

— Nonsense, — повторила старуха. — Сэр Уильям был чурбан, он не понимал своей молодой жены и вдобавок обманывал ее со всеми окрестными девками. Она встретила лорда Байрона, который был не только великий поэт, но и мужчина с ангельской внешностью и сатанинским умом. Леди выбрала лучшего. Кому придет в голову ее порицать?

Эрве почувствовал, что не стоит дальше обсуждать эту тему. Однако, не удержавшись, добавил:

— Простите, леди Спенсер-Свифт, но раз вы не читали этих дневников, откуда вы знаете, что Байрон гостил в Виндхерсте не только в качестве друга хозяина дома?

— Так гласит семейное предание, — решительно ответила она. — Мой муж знал об этом от своего отца, а тот от своего. Впрочем, вы сами сможете во всем удостовериться, потому что, повторяю, бумаги в вашем распоряжении. Сейчас я вам их покажу, а вы мне скажете, где вам удобнее работать.

Она вызвала великолепного дворецкого.

— Миллер, откройте красную комнату в подземелье, принесите туда свечи и дайте мне ключи от сейфа. Я провожу туда господина Марсена.

Обстановка, в которой очутился Марсена, не могла не подействовать на воображение. В подземелье, расположенном под нижним этажом здания и обитом красным штофом, в отличие от остальных помещений не было электричества. Пламя свечей отбрасывало вокруг дрожащие тени. К одной из стен был придвинут громадный сейф, отделанный под средневековый сундук. Напротив стоял широкий диван. Старая леди величественно спустилась в подземелье, опира-

ясь на руку француза, взяла ключи и быстро повернула их в трех скважинах замка с секретным шифром, после чего Миллер широко распахнул тяжелые створки сейфа.

Перед глазами Марсена блеснуло столовое серебро, мелькнули какие-то футляры из кожи, но хозяйка протянула руку прямо к толстому альбому в белом сафьяновом переплете.

— Вот дневник Пандоры, — сказала она. — А вот письма, которые она собственноручно перевязала этой розовой лентой.

Старуха обвела взглядом подземелье.

— Погодите-ка... Где бы нам вас пристроить... Вот за этим большим дубовым столом вам будет удобно? Да? Ну что ж, отлично... Миллер, поставьте два подсвечника по правую и левую руку от господина Марсена... Теперь запирайте сейф и пойдем. А молодой человек пусть себе работает...

— Могу ли я остаться здесь за полночь, миледи? Времени у меня немного, а мне хотелось бы прочитать все.

— Дорогой господин Марсена, — сказала леди. — Спешка ни к чему хорошему не приводит, но делайте как знаете. Вам принесут сюда обед, и больше вам никто мешать не будет. Утром подадут завтрак в вашу комнату, потом вы опять можете работать. Мы встретимся с вами в час за ленчем... Подходит вам такое расписание?

— Я в восторге, леди Спенсер-Свифт! Не могу выразить...

— И не надо. Спокойной ночи.

Эрве остался один. Он вынул из портфеля авторучку, бумагу, сел за стол и с замирающим сердцем открыл сафьяновый альбом. Старуха была права — почерк и в самом деле был мелкий и неразборчивый. Должно быть, Пандора сознательно стремилась к тому, чтобы ее записи было трудно прочитать. Альбом мог попасть в руки мужа. Разумнее было принять меры предосторожности. Но Марсена был искушен в расшифровке самых замысловатых почерков. Он без труда разобрал каракули Пандоры. С первых же строк он не мог удержаться от улыбки. В манере изложения чувствовалась совсем молодая женщина, почти ребенок. Пандора часто подчеркивала слова — признак горячности или волнения. Дневник был начат в 1811 году, через несколько месяцев после свадьбы.

«25 октября 1811. Нынче я устала, больна и не могу сидеть в седле. Уильям уехал на охоту. Не знаю, чем заняться. Начну вести дневник. Этот альбом мне подарил мой *нежно, нежно* любимый батюшка. Как я сожалею, что покинула его! Боюсь, что мой муж *никогда* меня не поймет. У него не злое сердце, но он *не догадывается*,

что женщине необходима нежность. Я не знаю даже, думает ли он когда-нибудь обо мне. Он чаще говорит о политике, лошадях и фермах, нежели о своей жене. Со времени нашей свадьбы он, кажется, ни разу не произнес слово «любовь». Ах нет, произнес. На днях он сказал Бриджит: «До чего же трогательно *любит меня моя жена*». Я и глазом не моргнула».

Эрве пробежал одну за другой страницы, полные жалоб и насмешек. Пандора была беременна и без всякой радости ждала появления ребенка. Он должен был еще теснее связать ее с человеком, который не сумел внушить ей ни малейшей привязанности. Из наивных заметок молодой женщины постепенно складывался весьма непривлекательный портрет сэра Уильяма. Малейшее проявление его эгоизма, тщеславия, вульгарности безжалостно заносилось на бумагу свидетелем, затаившим на него горькую обиду. Меж тем сквозь строки дневника все яснее проступал другой образ — соседа, лорда Петерсона, столь же любезного, сколь отвратительным был сэр Уильям.

«26 декабря 1811. Вчера, на Рождество, лорд Петерсон принес мне в подарок *обворожительного* щенка. Я была, как всегда, одна, но приняла лорда Петерсона — ведь он гораздо старше меня.